

Цзянь Чжэн закусил губу так сильно, что на бледной коже проступил багровый кровоподтек. В этот миг она отчетливо осознала: отступить некуда.

Она пришла на встречу с Гэн Анем, ведомая лишь слепой яростью. Ослепленная ненавистью, женщина выплеснула секрет, который клялась хранить до могилы, и этот гнев на время притупил застарелый, въевшийся в память страх. Но теперь, когда первая буря утихла, в душе вновь заворочались сомнения и мучительная боль, которой не хотелось делиться ни с кем.

Однако было поздно. Слова Ли Жуна подействовали на неё как ушат ледяной воды. Он вышвырнул её из уютного кокона самообмана, заставив смотреть в лицо реальности — и своей, и чужой.

Правда всегда ранит. Цзянь Чжэн едва не вспыхнула от негодования, но годы стерли в ней прежнюю строптивость, лишив её последних острых углов. Теперь ей оставалось лишь одно: дойти до конца. Либо заставить семейство Хань заплатить по счетам, либо до конца своих дней нести это клеймо позора и безнадежности.

Собрав остатки мужества и отбросив гордость, она глухо произнесла:

— В тот вечер в лаборатории... я забеременела.

Договорив, она в стыде отвернулась. Гэн Ань шумно выдохнул, даже не пытаясь скрыть крайнего изумления. Юноша же, напротив, перестал давить на неё взглядом и теперь смотрел на женщину с холодным спокойствием.

— Ты сохранила ребенка?

— Как это возможно? — с горечью выплюнула Цзянь Чжэн. — Конечно, я сделала аборт. Я узнала об этом, только когда прошло три месяца. К тому времени Хань Ин уже бросил меня и укатил за границу, а Чжан Чжаохэ в университете следил за каждым моим шагом. Ради диплома я не смела пикнуть. Мне повезло — я была очень худой, и живот почти не выделялся.

Гэн Ань нахмурился:

— Как же ты не замечала целых три месяца? Ты...

— Откуда мне было знать, что чувствует беременная женщина? — безжизненно отозвалась она. — А задержку я списала на дикий стресс. Думала, получу диплом — и всё наладится. Лишь когда низ живота начал выступать, я поняла, что дело плохо.

Даже когда сомнения стали очевидными, она продолжала обманывать себя. Уверяла, что просто переела, что это лишний вес. И лишь когда лгать стало невозможно, её охватил первобытный ужас.

Теперь, оглядываясь назад, она сама не понимала, как пережила то время. Она тысячи раз хотела покончить с собой, но в последний момент малодушно отступала. Никто не знал, через какой ад она прошла, пока ей приходилось выдавливать фальшивые улыбки перед однокурсниками.

— Раз они так пристально следили за тобой, — спросил Ли Жун, — как они не заметили, что ты легла на операцию?

Цзянь Чжэн поджала губы и после недолгой паузы вздохнула:

— Мои родители — врачи в Народной больнице города А. Мама в акушерстве, папа в педиатрии. Мои визиты к ним не вызывали подозрений. Для родителей не составило труда провести операцию втайне от всех. И заодно сделать ДНК-экспертизу.

Гэн Ань лишился дара речи. Оказалось, история бывшей однокурсницы куда сложнее и грязнее, чем он мог себе представить.

Центральная больница «Цзяцзя». Услышав название, Ли Жун невольно насторожился.

— Значит, родители всё-таки узнали.

Раз уж женщина решилась открыть свою самую постыдную тайну, скрывать остальное не имело смысла.

— Да. Они были раздавлены. Отец едва не схлопотал insult от гнева и обиды. Но видя моё состояние — а я была на грани безумия, особенно когда тест подтвердил сроки... — они не стали меня корить. Боялись, что я наложу на себя руки. В том кошмаре я совсем потеряла голову, и только родители, сохранив ясность ума, сберегли отчет о ДНК-экспертизе. Если бы я сразу всё им рассказала, они бы никогда не позволили мне подчиниться Хань Цзяну.

Родители Цзянь Чжэн оказались куда прозорливее дочери. Узнав, что все совместные фото и сообщения в её телефоне были принудительно удалены, они поняли: им нужны хоть какие-то неопровержимые доказательства связи их дочери с Хань Инем.

Хотя махинация Хань Цзяна и Чжан Чжаохэ формально вывела Цзянь Чжэн из-под удара, она не получила от этого никакой выгоды — лишь глубокую психологическую травму. Родители не знали, когда эти бумаги могут пригодиться, возможно, никогда. Но они не хотели, чтобы их дочь вечно оставалась беззащитной жертвой.

Она хранила этот секрет долгие годы. Об этом не знал никто, даже тот богатый наследник, за которого она собиралась замуж.

Ли Жун внезапно спросил:

— Твои родители всё ещё работают в центральной больнице «Цзяцзя»?

Цзянь Чжэн опешила от такой резкой смены темы, но ответила:

— Мама всё ещё в акушерском отделении. А отец... он так и не смог за все эти годы выбить себе место заведующего. Разочаровался в карьере. В прошлом году он ушел на пенсию из педиатрии. Директор звал его остаться на контракте, но он отказался.

\*\*\*

«В прошлом году», — мысленно повторил Ли Жун.

Первая фаза испытаний «Люйиньсюй» проводилась именно в педиатрическом отделении. В то время отец Цзянь Чжэн еще работал там. Пусть он и не был заведующим, но опыта и стажа ему было не занимать.

Цзянь Чжэн глубоко вздохнула:

— Отчет об экспертизе у меня. Сейчас я вам его не отдам. Но если вы докажете, что у вас действительно хватит сил сокрушить Хань Цзяна, я сделаю всё, что в моих силах.

С этими словами она вытерла слезы, поправила волосы и, опершись руками о стол, поднялась.

Гэн Ань не удержался от вопроса:

— Старая подруга, ты столько лет не видела Хань Ина, уже жизнь свою почти устроила... Как же ты снова позволила ему себя обмануть?

Она замерла, её взгляд потускнел.

— Я... я рассталась с женихом. В моем возрасте в душе образуется пустота, которую хочется чем-то заполнить, чтобы забыть о старых ранах. Хань Ин просто появился в нужный момент.

Старый любовник, общее прошлое, близость... Сработал эффект ностальгии, и она в одночасье потеряла голову, снова впутавшись в это гнилое дело.

— Но почему ты рассталась с тем парнем? — не понимал Гэн Ань. — С Хань Ином ты едва успела сойтись, а с тем богачом была много лет.

Она облизала пересохшие губы, её ресницы задрожали.

— После той операции... я почти потеряла возможность иметь детей.

Больше не сказав ни слова, женщина подхватила сумку, накинула ватное пальто и поспешно вышла из чайной.

Ли Жун не стал её удерживать. Он лишь коснулся пальцами чайника — бока сосуда из исинской глины стали ледяными. Когда за женщиной закрылась дверь, Гэн Ань повернулся к собеседнику.

В его голове роились сотни вопросов. Откуда Ли Жун знает о горькой доле Сюй Танхуэй? Почему кажется, что он насквозь видит Цзянь Чжэн? И почему в этом деле, которое они затеяли ради капитана Цэня, он ведет себя так, будто это его личная вендетта?

Юноша мягко улыбнулся и похлопал Гэн Аня по плечу.

— Знаю, у тебя много вопросов. Придет день, и ты получишь все ответы. Спасибо тебе за сегодня.

Гэн Ань стал той самой переменной, которую не учли Хань Цзян и Чжан Чжаохэ. В прошлой жизни он, работая на Ду Минли, помог тому раскопать тайну Хань Цзяна и нанести сокрушительный удар в тот момент, когда враг меньше всего этого ждал. В этой жизни этот секрет тоже станет его оружием.

Цэнь Сяо еще не до конца укрепил свои позиции в Девятом районе, так что время для решающей битвы с Хань Цзяном еще не пришло. К тому же у Ли Жуна оставались невыясненные детали.

В рассказе Цзянь Чжэн, помимо фактов, было много субъективного. Например, она считала, что Хань Цзян подставил Сюй Танхуэй из личной неприязни и мести за её строптивость. Чжан Чжаохэ в её глазах был лишь безвольной марионеткой, послушным исполнителем чужой воли. Она также была уверена, что Хань Цзян десять лет таил злобу на Ли Цинли и нанес удар в деле с «Люйиньсюй» из чувства мести.

Ли Жуну было приятно, что она не считает его отца виновным, к тому же те аккаунты, через которые Лю Таньчжи распространяла клевету, действительно принадлежали Хань Цзяну. Но в одном он всё же сомневался.

Если Чжан Чжаохэ — просто пешка Хань Цзяна, то какая ему от этого выгода? Лю Таньчжи, по

крайней мере, склонила состояние и теперь в грош не ставит Ли Байшоу. А этот человек спустя десять лет всё так же носит поношенный френч и занимает незаметную должность лектора без малейшего шанса на повышение.

Помог ли ему Хань Цзян хоть в чем-то? Похоже, нет.

Чжан Чжаохэ хранит самый страшный секрет главы ведомства. Откуда у Хань Цзяна такая уверенность, что он может держать этого человека в узде, не делаясь с ним ни властью, ни деньгами? Неужели у главы тоже есть компромат на Чжан Чжаохэ?

Если секрет лектора столь же ужасен и велик, то это лишь лишний раз доказывает: он далеко не так прост, как кажется на первый взгляд.

Оставив деньги на столе, Ли Жун сказал:

— У меня еще дела, я пойду. Ты отлично поработал.

— Хорошо, — ответил Гэн Ань, понимая, что юноша пока не готов делиться мыслями. — Удачи.

\*\*\*

Ли Жун направился к тётке Хуэй. Он заранее попросил её сегодня не выходить на площадь, а подождать его дома. Сюй Танхуэй, хоть и удивилась, спорить не стала — у неё как раз накопилось несколько заказов на кукол из интернет-магазина, так что она с радостью осталась дома.

Дорогу к жилому комплексу «Чанцзели» юноша знал как свои пять пальцев. С бесстрастным лицом он шагал по разбитым плитам, обходя лужи в выбоинах асфальта, мимо лавчонок, от которых несло дешевой едой и специями.

С тех пор как Сюй Танхуэй занялась интернет-торговлей, её жизнь заметно наладилась. У неё всегда была деловая жилка, просто раньше она напоминала рыбу, выброшенную на песок, — кроме желания очистить своё имя, у неё не осталось сил ни на что другое.

Совсем недавно она всё же решила немного позаботиться о себе. Выкроила денег и сделала в квартире косметический ремонт. Теперь внутри стало светло и уютно. Пусть снаружи стены дома всё так же пугали чернотой и обшарпанностью, внутри царил чистота.

Тётя Хуэй говорила, что хочет побаловать себя, но на самом деле она старалась ради Цзи Сяочуань, которая часто заглядывала к ней. Сама она могла жить в любых условиях, но не хотела, чтобы девочка чувствовала себя неловко в этих трущобах.

Ли Жун поднялся по стертым до блеска темным ступеням на третий этаж. Прежде чем постучать, он бросил взгляд на соседнюю дверь. Тяжелая железная створка была плотно закрыта. К ней был приклеен листок формата А4 с напечатанными жирным шрифтом словами: «ПРОДАЕТСЯ».

Тётя Хуэй открыла почти сразу. Увидев гостя, она добродушно улыбнулась и зазвала его внутрь:

— Проходи скорее! На улице-то, небось, совсем замерз.

Ли Жун мельком заметил на её пальцах свежие пластыри.

— Тётя Хуэй, — вздохнул он, — ну поосторожнее же надо быть, когда шьешь.

Она поспешно спрятала руки за спину и бесхитростно ответила:

— Да пустяки, кожа-то уже как подошва, ничего не чувствую.

У юноши было много идей, как помочь ей развить бизнес, но это могло подождать. Пока правда не восторжествует, мысли женщины будут заняты другим.

— Соседи напротив съезжают? — вскользь поинтересовался он.

Сюй Танхуэй бросила взгляд на запертую дверь и вздохнула:

— Помнишь женщину, что чехлы для телефонов на площади продает? Это она с дочкой. Квартиру продают, чтобы на лечение наскрести. Я предлагала ей в долг, чтобы жилье сохранили, а она — ни в какую. Говорит, не отдать ей никогда, всё равно рано или поздно продавать придется.

Ли Жун нахмурился.

— «Цзякэтин» же выпустил новый препарат. Старый должен был подешеветь.

Сюй Танхуэй горько усмехнулась:

— Да, я тоже так думала, радовалась за неё. Но цена-то упала, а производство сократили. Кому охота делать то, что прибыли не приносит? Старого лекарства теперь кот наплакал, за ним охотиться надо. Спекулянты всё скупили, а теперь перепродают втридорога — выходит почти как новое лекарство. Вот она еще год промучилась и сдалась.

«Спекулянты», — Ли Жун криво усмехнулся.

«Биотехнологическая компания „Сухэ“ ради наживы пойдет на любую подлость»

Тётя Хуэй налила ему горячего грушевого отвара. Он принял чашку, согревая ладони, и сделал глоток. Сладкое тепло разлилось по горлу и согрело желудок, принося долгожданное облегчение.

— Вкусно? — спросила Сюй Танхуэй. — Если нравится, я еще наварю. У Сяочуань в эти дни живот потягивает, завтра ей отнесу.

Он поставил чашку и, взяв тётю Хуэй за руки, усадил её напротив.

— Тётя Хуэй, я должен тебе кое-что показать.

Она улыбнулась, вытирая руки полотенцем:

— Чего это ты такой официальный? Что там у тебя?

Видя её спокойную улыбку, юноша почувствовал укол жалости. Он не знал, как она отреагирует. Десять лет поисков, бесконечное отчаяние, и вот — надежда обрела лицо.

Ли Жун нашел в галерее фотографии Хань Ина. Их собрал Цзянь Фу — там были и свежие снимки, и те, что были сделаны несколько лет назад. Он протянул телефон женщине и негромко спросил:

— Тётя Хуэй, ты знаешь этого человека?

Сюй Танхуэй осторожно нацепила очки и, придерживая дужку рукой, склонилась над экраном. Сперва на её лице отразилось недоумение. Но постепенно её брови разгладились, глаза широко распахнулись, а на обветренном лице проступила смесь ужаса и лихорадочного возбуждения. Она резко вскочила, её руки задрожали, вцепляясь в телефон.

— Он! Он! Это он! Сынок, это он!

В порыве чувств женщина выпустила телефон и вцепилась в одежду юноши, словно в последнюю соломинку. Она судорожно сглатывала, не зная, смеяться ей или плакать. Тётя Хуэй поджала губы, и из её глаз хлынули слезы. Они катились по морщинистым щекам и исчезали в ворота выцветшего старого свитера.

— Я знаю, тётя Хуэй, знаю, — Ли Жун почувствовал, как в груди защемило. Он бережно стер

слезы с её лица и сочувственно улыбнулся.

Женщина ткнула пальцем в погасший экран:

— Он постарел, но я его из тысячи узнаю! Я никогда не забуду это лицо!

Ли Жун кивнул:

— Его зовут Хань Ин. Это он тогда опрокинул прибор и свалил всё на тебя. Тётя Хуэй, тебя подставили. Я обещаю: я верну тебе честное имя.

Сюй Танхуэй заворуженно смотрела на него. Спустя мгновение она облегченно улыбнулась, а затем закрыла лицо руками, из-под которых вырвался сдавленный стон.

— Спасибо, сынок, спасибо... Я думала, надежды нет. Думала, никогда его не найду!

Он взял её за запястья и тихо произнес:

— Тётя Хуэй, теперь ты должна рассказать мне всё, что помнишь. До малейшей детали.

Женщина еще немного повсхлипывала, вытерла слезы ладонями и шумно шмыгнула носом. Попросив Ли Жуна подождать, она ушла в ванную и вернулась лишь спустя несколько минут. Глубоко вздохнув, она снова взяла телефон и принялась внимательно изучать снимки Хань Ина. Она смотрела на него так пристально, словно хотела взглядом прожечь в нем дыру.

Вот он — человек, из-за которого она десять лет прожила изгоем. Человек, который в одночасье разрушил её мир. И вот он снова перед ней: постаревший, раздобревший и, судя по всему, вполне довольный жизнью.

Сюй Танхуэй стиснула зубы:

— Как же ты его нашел, сынок?

— Он много лет жил за границей, поэтому ты и не могла на него выйти. Я случайно обнаружил его связь с тем делом.

Женщина пролистала все фотографии, а затем, опустившись на стул, уставилась в одну точку на стене.

— В ту ночь я проснулась от шума в лаборатории... Поняла, что кто-то вошел, и пошла проверить...

Ли Жун слушал, не перебивая. Её рассказ почти полностью совпадал с версией Цзянь Чжэн. Тётя Хуэй и не подозревала, что в лаборатории было двое. Цзянь Чжэн была маленькой, двигалась тихо и пряталась в тени, а Хань Ин в панике шумел за двоих. Именно он столкнулся с женщиной нос к носу.

Она крикнула: «Кто здесь?», но парень лишь оттолкнул её и бросился наутек. Сюй Танхуэй кинулась вдогонку. Но разве могла она состязаться в беге с крепким юношей? Она бежала, пока не перехватило дыхание, но в итоге упустила его.

Она еще долго бродила по окрестностям, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Вернувшись в лабораторию и включив свет, она обомлела: тяжелый прибор лежал на полу, даже мраморная плитка треснула от удара.

Она сразу вызвала охрану. Проверка, вызов начальника службы безопасности — всё это заняло часы. Сюй Танхуэй так и не сомкнула глаз, а начальник приехал из дома только к шести утра. Когда обнаружился ущерб, она божилась, что видела студента, и начальник велел проверить камеры. Но записи за ту ночь таинственным образом исчезли. Тётя Хуэй тогда мало смыслила в технике, она металась перед мониторами, требуя показать видео, но экран оставался черным.

Начальник охраны лишь туманно обронил, что камеры могли выйти из строя, и нужно ждать техников. К тому времени уже совсем рассвело.

— Один из преподавателей тогда сказал, — вспоминала она, — что я сама всё разбила, а теперь валю на какого-то призрачного студента. Без видео мне было нечем крыть. Я их не виню, со стороны это и правда выглядело подозрительно.

— Преподаватель? — Ли Жун прищурился. — Какой именно?

Женщина запомнила только лицо Хань Иня. В тот день в лаборатории было слишком много людей, и она не запомнила того, кто бросил это обвинение.

— Наверное, кто-то из администрации. Тех профессоров, что постоянно работали в лаборатории, я знала в лицо, а этот был мне незнаком.

Веки Ли Жуна дрогнули. Похоже, именно этот человек задал нужное направление следствию, а руководство университета по указке Хань Цзяна довершило дело. Но кто этот «незнакомый преподаватель»? В голове юноши всплыло одно имя.

— Тётя Хуэй, я просто хотел, чтобы ты его опознала. Хань Ин — человек непростой, и хотя у нас уже есть кое-какие козыри, время для удара еще не пришло. Но поверь: этот день близок.

Сюй Танхуэй закивала:

— Теперь, когда я знаю, кто это, мне спокойнее. Слово цель всей жизни достигнута. Делайте как считаете нужным, я подожду. Главное — чтобы вам это не навредило.

Ли Жун пересказал ей версию Цзянь Чжэн и посидел с ней еще немного. Он ушел, когда на город уже опустились сумерки.

\*\*\*

День выдался слишком насыщенным, информация давила грузом. Вернувшись в квартиру, Ли Жун скинул одежду и рухнул на кровать, мгновенно провалившись в сон. Проснулся он лишь тогда, когда зажегся ночник. Цэнь Сяо уже вернулся из Девятого района.

Ли Жун, находясь в полузабытьи, перевернулся на другой бок и, обхватив мужчину за шею, прижался к нему. Разомлевший от сна, он уткнулся носом в изгиб шеи, пытаясь отогнать остатки дремоты. Юноша понимал: стоит замереть, и он снова уснет.

— Я сегодня виделся с Цзянь Чжэн, — пробормотал Ли Жун, не открывая глаз. Его ресницы щекотали чувствительную кожу на шее Цэнь Сяо.

Мужчина отложил книгу и притянул юношу за талию, прошептав ему на ухо:

— Гэн Ань мне уже доложил.

Губы Цэнь Сяо коснулись покрасневшего от подушки уха Ли Жуна. Несмотря на то что близость юноши будила в нем недвусмысленные желания, он видел, как тот измотан. Он не хотел его тревожить, поэтому и читал при тусклом свете ночника.

Ли Жун поежился от щекотки и недовольно прикусил плечо Цэнь Сяо. Продолжая посапывать, он начал пересказывать новости:

— Цзянь Чжэн говорит, это Хань Цзян всё подстроил... — Ли Жун был слишком измотан, он путался в словах и перескакивал с темы на тему. — Но Чжан Чжаохэ ведет себя странно... Тётя Хуэй вспомнила какого-то учителя... А еще родители Цзянь Чжэн врачи в «Цзяцзя»... И «Люйиньсюй» тоже испытывали там.

Сонный юноша путался в словах, и только Цэнь Сяо мог из этого сбивчивого бормотания вычленить суть. Он придержал голову Ли Жуна, спасая своё плечо от его зубов, и с улыбкой поцеловал его в губы.

— Если ты такой сонный, давай оставим это до утра. Если не заснешь сейчас, то потом я тебе шанса не дам.

Рука Цэнь Сяо начала медленно скользить под пижаму. Юноша вздрогнул, мгновенно сжался и, вывернувшись из объятий, юркнул под одеяло, подальше от шаловливых рук. Уткнувшись в подушку, он сонно пробормотал:

— Я не устал, честное слово... Просто не хочу мешать тебе учиться.

— Какой же ты заботливый, — усмехнулся Цэнь Сяо. Он подтянул одеяло, укутывая Ли Жуна, и крепко прижал его к себе.

<http://bllate.org/book/15351/1505063>